Вер. Москва. -1995.-11 нояб.-с.7.

В надежде быть услышанным...

Размышления, навеянные гастролями С.-Петербургского Малого драматического театра

Все спектакли проходили на старой сцене Таганки при полных аншлагах. После окончания представления – непременные овации, цветы, бесконечные вызовы на поклон. Атмосфера постоянного праздника сопутствует этому театру давно. Во всяком случае с тех пор, как во главе него в 1983 году оказался один из самых талантливых режиссеров современности Лев Додин.

Тому способствует множество обстоятельств, среди которых не последнюю роль сыграло само время. Кто-кто, а люди искусства знают, до чего же были унизительны эти бесконечные хождения по мукам в поисках защиты от произвола у одних чиновников от других. Сколько загубленных судеб!

Лев Додин и его театр – безусловное знамение времени, позволившее талантливому человеку реализовать себя и свои возможности в кратчайшие сроки. МДТ получил широкое признание не только в России, но и далеко за ее пределами во время бесконечных гастролей по миру.

На мой взгляд, это последнее обстоятельство и сыграло роковую роль в жизни режиссера и актеров, ввяривших ему свою судьбу: ведь основная часть труппы – ученики профессора С.-Петербургской академии театрального искусства Л. А. Додина. Известно, ничто так не раздражает нас, как чужой успех. И чем он больший, тем большее раздражение вызывает. И не только у коллег, что в конце концов понятно. Но и у критиков, которым, казалось бы, надо радоваться подобной ситуации. Ан нет!

У Додина появляется мощная оппозиция в лице серьезной талантливой молодой театральной критики, прежде всего в самом С.-Петербурге. Положа руку на сердце, нельзя сказать, что ее претензии безосновательны, особенно теперь, когда и мы, москвичи, смогли увидеть новые работы режиссера. Тем более что и в таком солидном издании, как «Московский наблюдатель», опубликован ряд статей, авторы которых – давние друзья Додина – по-существу разделяют тревогу своих северных коллег.

В этой связи вспоминаются два между собой ничем не связанных эпизода, имеющих самое непосредственное отношение к нашему разговору. В конце 60-х годов С. В. Образцов объявил конкурс на замещение актерских вакансий. Если учесть, что должности эти и в самом деле в тот момент были свободны – три очень пожилых актера одновременно ушли на пенсию, – можно себе представить, сколько желающих откликнулось на ту давнюю публикацию в «ВМ». Среди них оказался и артист миманса Московского театра оперетты. Но на прослушивании выяснилось, что он не приготовил ни басни, ни стихотворения, ни романса. Мало того, конкурсант не выговаривал несколько букв, зато откровенно признался, что у него нет ни голоса, ни слуха. На вопрос С. В., зачем же в таком случае он себя обеспокоил, молодой человек приятной наружности, опустив глаза, ответил буквально так: «Ну что тут непонятного? Каждому охота поездить по миру...».

В одном из московских театров на сборе труппы по случаю нового сезона главный режиссер поставил на то, что некоторые актеры не уважают ни себя самих, ни своих товарищей, когда поносят спектакли собственного коллектива. И для большей убедительности, кстати, сослался на мнение англичан, французов и американцев, которые остались в полном восторге от последней премьеры. Вместо того, чтобы принять к сведению сообщение руководителя, один из актеров, славящийся своей невоспитанностью, вышел и на глубокомысленную главу спроси: «Скажите, пожалуйс а, а что русские говорят о нашем спектакле?..».

Сцена из спектакля «Гаудеамус». Наталья Кромина – Людмила, Игорь Верневич – Евгений.

Это я все к тому клоню, что ситуация действительно сложилась непростая. Ну почему, скажите, Додин и МДТ должны верить тем, кто их критикует? И не верить тем, кто от них без ума. Тем более что и у нас в России есть критики – очень известные и уважаемые, которые любую постановку этого театра готовы заранее объявить шедевром. Особенно, если по приглашению самого театра выезжают специально в Париж или Лондон на его очередную премьеру...

Обычно перед написанием рецензии я предпочитаю читать только пьесу. Но тут случай особый. На торжественном открытии сезона в Центральном Доме актера имени А. А. Яблочкиной художественный руководитель МДТ, как правило, не бросающий слов на ветер, признался, что и он сам, и вверенный ему коллектив с большим волнением начали накануне гастроли в Москве. Что бы там ни говорили, но Москва по-прежнему остается одним из признанных театральных центров мира. И хорошо, что Додин это понимает. Тем более что авторы некоторых статей о его спектаклях заканчивали их примерно так: французская или немецкая премьера прошла прекрасно. Однако главный успех ожидает МДТ в С.-Петербурге. Или, напротив, предупреждали: смотрите, как бы дома вашу работу не встретили в штыки!

В общей сложности я прочитал сейчас около пятидесяти статей и рецензий. За исключением двух случаев, авторы их полны беспокойства за судьбу МДТ и его руководителя. И теперь, познакомившись с новыми для Москвы работами Додина, мне захотелось, ни на что не претендуя, высказать и свое мнение. Тем более что 22 мая 1979 года я опубликовал в газете «Советская культура» одну из первых статей о дипломном курсе А. Кацмана и Л. Додин а, где тогда впервые увидел спектакль «Братья и сестры» по Ф. Абрамову. Ах, какая это была радость! Мне сразу же показалось, что вместе со спектаклем родился и новый театральный организм. Как в свое время случилось с «Добрым человеком...» Б. Брехта в Щукинском училище.

Сцена из спектакля «Гаудеамус».

Качести Л. Додина надо сказать, что его спектакли не занимательны, не старают. А если такое все же случается, он с ними расстается. Помню, как несколько лет назад мы заранее условились о съемках «Театральных встреч» в рамках первого международного театрального фестиваля имени Леся Курбаса в Харькове. И вдруг в третьем часу ночи в гостинице у меня раздается звонок: «Извините, что поздно. Но здесь оказалось допотопное оборудование сцены. Мы только что вернулись из театра. А утром с восьми начнем монтировку и затем прогон. Так что уж не взыщите, в другой раз обязательно встретимся!».

Конечно, обидно. Но с другой стороны, разве подобное отношение к своему труду может оставить кого-то равнодушным? Ну что ему Харьков, если и Париж, и Лондон, и Нью-Йорк, и Токио – все кричали «браво», все были в восторге! Но когда я вечером пришел в театр, то понял, что снова попал на премьеру – до того все было пронзительно, словно именно в Харькове решалась судьба спектакля, одного из самых больших театральных потрясений моей жизни. Забегая вперед, скажу, что и сейчас, в Москве, «Братья и сестры» снова произвели на меня такое же впечатление.

Но вот «Вишневый сад» вызвал полное разочарование. Спектакль холодный, скучный, без заметной мысли, без особых актерских удач. Правда, есть исключения – Сергей Бехтерев-Гаев, Николай Лавров-Симеонов-Пищик, Аркадий Ковель-Епиходов. Но без Раневской, без Ани, без Вари? А ведь роли эти достались прекрасным артистам. Какой же смысл огород городить?! Нет в этом спектакле ни полутонов, ни подтекстов, ни интеллигентных милых людей. Правда, есть тревога за судьбу вишневого сада, она передана с помощью танца в третьем акте. Но это, пожалуй, единственное живое место в спектакле, который почему-то идет без антракта больше двух с половиной часов.

Вообще Додин явно злоупотребляет терпением зрителей. То он предлагает с 12 дня до 22 часов с сравнительно небольшими перерывами наблюдать за «Бесами» Ф. М. Достоевского, что явно не идет на пользу нашему восприятию. Не берусь настаивать, но мне кажется, что спектакль выиграл бы, если бы шел три часа. Все равно весь текст романа невозможно уместить на сцене. А раз так, то надо чем-то пожертвовать, как это и делали с инсценировками романов Толстого, Диккенса, Достоевского, Гончарова, Теккерея, Бальзака... Во всех же других случаях спектакли Додина идут вообще без антракта.

Сцена из спектакля «Гаудеамус».

В «Бесах» есть несколько первоклассных актерских работ. Это Сергей Бехтерев-Верховенский, Татьяна Шестакова и Игорь Иванов – сестра и брат Лебядкины, Сергей Власов-Шатов, Сергей Курышев – Кириллов, Игорь Скляр – Федька. Замечательное многовариантное решение пространства предложил бесконечно талантливый художник Эдуард Кочергин – все так! Но, повторяю, если бы просмотр трех частей в один день не превращался в тяжелое физическое испытание и для зрителей, и для исполнителей, думаю, все бы выиграли!

Известно, что краткость – сестра таланта. Но, видимо, не додинского. А жаль!..

Много шума наделал «Стройбат», а точнее – «Гаудеамус» – 19 импровизаций на темы известной повести Сергея Каледина. Спектакль сочинен и сыгран учениками Додина, естественно, под его руководством, при участии одного из изобразительнейших театральных художников Алексея Порай-Кошица. Оппонентов этой затеи смутили два обстоятельства: ненормативность лексики и фекализация места действия. Но мне показалось, что и к тому, и к другому создатели отнеслись с большей долей юмора. Да, конечно, это смех сквозь слезы. Но зачем же смешивать местами причину и следствие? Ни Каледин, ни МДТ не повинны в том, о чем ведут разговор. Я не почувствовал в их повествовании и намека на злорадство, о котором писали некоторые мои коллеги. Скорее боль, отчаяние, тревогу, что вполне естественно. А уж как талантливо актеры это делают, с каким азартом!..

И вот, наконец, «Клаустрофобия». Меня предупреждали, что это зрелище не для слабонервных. Но что поделаешь, если долг службы обязывает смотреть все подряд. Ну что я могу сказать? Спектакль этот действительно сделан специально для показа на всевозможных международных фестивалях, и сделан талантливо. Однако пикантность момента состоит в том, что рассказ в нем о нас ведут не иностранцы, которых прежде можно было бы упрекнуть в предвзятости и недобросовестности. Но мы сами.

Помните, когда-то у Гитлера ставился «Фронт» А. Корнейчука под названием «Русские о себе, или Как они воюют». Вот нечто похожее сейчас можно увидеть и на сцене МДТ. И дело не в отборном мате, и не во всевозможных физиологических отправлениях, и не в разговорах о сексуальных перверсиях – от гомосексуализма до зоофилии, которыми нас потчевали два часа. И даже не в цитатах режиссера из самого себя – как опасно, но и как полезно! – иногда смотреть спектакли подряд! А в той позиции, которую занял театр по отношению к своим героям. Где та боль и сострадание, что были и в «Братьях и сестрах», и в «Стройбате»? По-существу, театр упивается этим кошмаром. Не иначе, как Петр Степанович Верховенский всех здесь попутал: чур его, чур, сатана!!!

Мой сосед молодой человек объяснил мне, что не стоит все так близко принимать к сердцу, хотя и ему неловко было за театр. При этом он справедливо заметил, что всякий спрос рождает предложение. Вот ведь и Жириновский кому-то нужен. И на «Клаустрофобии» одни и те же зрители приходили в состояние эйфории после каждого матерного выражения...

«Ничего себе защитил спектакль», – подумал я. А может быть, мальчик, как всегда, прав?!

В этой связи хочу сослаться на Нину Велехову, которая недавно напомнила нам слова Ивана Ивановича из «Мандата» Н. Эрдмана: «Теперь свобода, теперь сумасшедших домов нет», – это когда Иван Иванович хочет идти по улицам с кастрюлей на голове, а его предупреждают, что так можно угодить в сумасшедший дом...»

Неужели же и в самом деле свобода нам дана лишь для того, чтобы мы не могли отличить безумца от нормального человека? Больше того, теперь, после просмотра «Клаустрофобии», я начинаю думать, что и «Вишневый сад» здесь не мог получиться по-другому...

Говоря об этом с болью, ибо, повторяю, Додин и в самом деле талантливый человек. А труппе, им воспитанной, может позавидовать любой репертуарный театр. И это прекрасно, что в МДТ сохраняется культ личности режиссера, ибо горе тем театрам, где управление делами берет в свои руки актерское вече. Важно только, чтобы при этом личность режиссера хоть на порядок превосходила сам культ.

Еще в полной форме пребывают участники спектакля «Братья и сестры», а им в затылок уже жарко дышат Игорь Николаев, Владимир Селезнев, Олег Дмитриев, Олег Ганков, Мария Никифорова, Сергей Курышев... Они умеют и могут делать все – редкое счастье для режиссера и для них самих. Но что случится со всеми их умениями, если «Клаустрофобия» – последняя по времени премьера – станет знаменем театра, его программой?

Спрашиваю об этом не как судья, а как друг, с одинаковой надеждой быть услышанным...

Борис ПОКРОВСКИЙ

Фото В. Васильева